

12+

ГАЗЕТА ПРАВДУ НЕ УЗНАЕТ. КНИГА 1

ШУРАЛЕ

ИЗ СТЕРЛИБАШЕВА

ЭЛЬВИРА ХАМИДУЛЛИНА

Эльвира Хамидуллина

**Шурале из Стерлибашева.
Газета правду не узнает. Книга 1**

«Издательские решения»

Хамидуллина Э. Ф.

Шурале из Стерлибашева. Газета правду не узнает. Книга 1 /
Э. Ф. Хамидуллина — «Издательские решения»,

Журналистка Айгуль возвращается в родное село, чтобы начать новую жизнь. Расследуя кражу трёх гусей, она знакомится с участковым и находит странные следы — босые, с непропорционально длинными пальцами. Оказывается, древний дух шурале реален и бродит по округе... но он не злой, а скорее несчастный. Книга о том, как правда не всегда для печати, а чудовище может оказаться человеком.

© Хамидуллина Э. Ф.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Возвращение	7
Глава 2. Первое дело	9
Глава 3. Три гуся и один свидетель	12
Глава 4. Сторож, который смеялся	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Шурале из Стерлибашева

Газета правду не узнает. Книга 1

Эльвира Фаритовна Хамидуллина

© Эльвира Фаритовна Хамидуллина, 2026

ISBN 978-5-0070-4753-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-6109-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этот роман — художественный вымысел.
Совпадения с реальными людьми случайны.
Но село Стерлибашево действительно есть.
И некоторые местные истории лучше не проверять после заката.

Шурале из Стерлибашева

Пролог

Сказка, которую рассказывают башкирским и татарским детям.

В старые времена, когда гора Балкан-Тау была выше, а лес гуще, жил-был в одном ауле дровосек. Звали его Былтыр. Приехал он однажды в чащу — рубить дрова да песни петь. Только размахнулся топором, как из тёмного оврага вышел к нему шурале.

Был он ростом с телегу, весь в чёрной шерсти, хвост длинный по земле волочится, уши мохнатые шевелятся, а пальцы — что ветки ивы: тонкие, цепкие, сами извиваются.

Увидел шурале дровосека и захохотал:

— Вот с кем я сейчас поиграю! Вот с кем посмеюсь! Как зовут тебя, человек?

Смекнул Былтыр — дело плохо. Говорит:

— Зовут меня Былтыр.

А «былтыр» по-старому значит «прошлый год».

— Давай, Прошлый Год, пощекочемся! Кто кого перещекочет! — И тянет свои пальцы-крючья.

— Некогда мне играть, — отвечает дровосек. — Работы много.

— Ах так! — рассердился шурале. — Тогда закружу тебя в лесу, вовек дороги не найдёшь!

Понял Былтыр — не отвязаться. Говорит:

— Ладно. Только помоги сперва колоду расколоть.

Размахнулся и всадил топор в сухую лесину. Та треснула.

— Суй пальцы в щель! — кричит. — Держи, пока я ещё раз ударю!

Глупый шурале сунул длинные пальцы в трещину. Дровосек мигом выдернул топор — края сомкнулись и защемили пальцы намертво. Взыл шурале на весь лес, а Былтыр схватил топор и был таков.

Сбежались на вой другие шурале:

— Что орёшь?

— Пальцы Прошлый Год защебил!

— Когда?

— Сейчас! Прошлый Год защебил!

— Не поймёшь тебя: то ли сейчас, то ли в прошлом годе...

Так ничего и не растолковал им бедолага. С тех пор ходит, говорят, по лесу с колодой на спине и кричит: «Пальцы Прошлый Год защемил!»

Вот такую сказку рассказывают в Стерлибашево долгими вечерами. Дети смеются над глупым шурале, а старики добавляют: «С лесом шутки плохи, да и лес не всегда такой, каким кажется».

Старики после этого всегда запирали окна на ночь. Особенно в августе, когда лес подходит ближе обычного.

Глава 1. Возвращение

Автобус из Уфы пришёл на полчаса позже расписания. Айгуль спустилась по скрипучим ступенькам, вдохнула густой, как парное молоко, сельский воздух и замерла.

Пахло пылью, нагретой за день, скошенной травой с дальнего луга и — свежим хлебом, из ближайшего мобильного кафе. Или это память подсунула старый запах хлеба, а пахло просто выпечкой, но нос поверил. В Стерлибашево вообще всё было пропитано памятью — и это-то и пугало. Вернёшься за чем-то одним, а найдёшь себя прежнюю, растерянную и ещё не знающую, кто ты теперь.

В Уфе памятью не пахло. Там пахло кофе навывнос, мокрым асфальтом и чужими духами в редакционном лифте. Айгуль 10 лет убеждала себя, что это и есть настоящая жизнь. Окончила университет, устроилась работать в Дом печати в республиканское издание, снимала квартиру и даже собиралась замуж...

А потом всё рассыпалось как-то сразу. Статья, на которую она потратила месяц, вышла под чужой фамилией. Главред сказал: «Ты пишешь слишком красиво для журналистики». А Тимур, почти жених, которого она после работы застала собиравшим вещи в съёмной квартире, добавил: «Ты вообще живёшь будто в сказке. А она — другая, земная, ухожу к ней». Она не ответила тогда Тимуру — только кивнула, будто речь шла о чём-то несущественном, вроде прогноза погоды. Но ночью долго лежала в темноте, давясь слёзами, а когда успокоилась просто слушала, как за окном кто-то смеётся на остановке, и впервые за долгое время подумала не о работе и не о тексте, а о том, что ей всё-таки есть куда вернуться.

Айгуль была сиротой. Мать она помнила смутно — запах тёплого хлеба и голос, который всегда уходил куда-то за дверь. Отец в её жизни не задержался вовсе, словно был строчкой в документе, которую кто-то стёр ластиком.

Её вырастила бабушка Минниса в райцентре Стерлибашевского района, селе Стерлибашево — женщина с жёсткими руками и мягким взглядом, которая не умела говорить о чувствах, но умела молча ставить перед ней тарелку супа, поправлять шарф и ждать, когда она вернётся с улицы. Минниса эби часто повторяла, что город — это шум, в котором легко потерять себя, и что однажды Айгуль всё-равно вернётся домой.

Раньше Айгуль спорила, ведь ей казалось, что возвращаться — значит признать поражение, будто жизнь можно прожить только там, где родился. Она уезжала с упрямством, с планами, с верой в то, что станет «кем-то». Но в последние два года бабушка уже не говорила о её возвращении. Она вообще стала меньше говорить. Только иногда писала короткие сообщения — про погоду, про соседей, про то, что одуванчики заполонили огород или яблоки в этом году уродились. И, между строк в этих сообщениях, Айгуль всё чаще чувствовала не просьбу и не упрёк, а тихое, почти смиренное одиночество.

И вот теперь, купив билет до Стерлибашева, она впервые не чувствовала ни победы, ни поражения. Только странную усталость — как будто жизнь, наконец, перестала притворяться, и у неё есть для неё другой настоящий маршрут.

— Приехала, значит, — раздался знакомый голос.

На остановке, опершись на велосипед, стояла тётя Зулфия, мамина двоюродная сестра. В одной руке у неё был кулёк с пирожками, в другой — полтарушка с чем-то прозрачным.

— Приехала, — кивнула Айгуль. — А вы меня встречаете или так, мимо ехали?

— Тебя встретишь, как же. — Тётя Зулфия сунула ей в руки кулёк. — Ешь давай, путешественница. С капустой. И вот это — чай с травами. У тебя цвет лица нездоровый, пей- сразу поправишься. Минниса эби попросила встретить, сама дойдёшь ли до дому?

— Дойду... У меня цвет лица сам такой, я просто в городе прожила, целыми днями в офисе, вот и бледная.

— Вот я и говорю — нездоровый — сказала тётка и, развернув велосипед, уехала.

Айгуль вздохнула, прижала одной рукой к себе кулек и полтарушку, поправила ручку старого чемодана и свернула с центральной улицы, тут уже не было тротуара, но ноги сами помнили дорогу между заборами, палисадниками и канавой, которую каждый год чистили, а она каждый год зарастала крапивой.

Дом бабушки стоял на месте. Небольшой, деревянный, с выгоревшей и облупившейся желтой краской и калиткой, которая по привычке делала вид, что открываться ей не обязательно. Чтобы войти, её нужно было приподнимать рукой. Айгуль остановилась на секунду. Дом выглядел так, будто за десять лет совсем не изменился, в отличие от неё.

— Ну чего встала, как памятник самой себе? — раздался голос из двора.

Бабушка Минниса вышла сама. Невысокая, в платке, халате и с выражением лица человека, который уже всё понял про жизнь и теперь просто следит, чтобы остальные не портили статистику. Айгуль шагнула вперёд и неожиданно почувствовала себя школьницей, которая пришла домой позже обещанного времени.

Бабушка посмотрела на неё внимательно.

— Похудела.

— Я нормально выгляжу.

— Все, кто «нормально», потом валятся, — спокойно сказала бабушка и развернулась. — Заходи. Чай поставлю.

В доме всё было на своих местах. Даже радио, которое, казалось, работало исключительно из принципа «раз уж я здесь, то пусть и гудю».

Айгуль поставила чемодан, а бабушка тут же бросила взгляд:

— Ты как, на неделю приехала или насовсем?

— Я... пока не знаю.

— Понятно. Значит, насовсем, но стесняешься сказать.

Айгуль выдохнула.

— Я просто устала.

— Устала — это когда огород копаешь. А у тебя офис, стул и кондиционер. Не путай термины. Но я рада, что ты теперь будешь рядом.

Чуть позже Айгуль открыла список контактов в телефоне и пролистала вниз, туда, где давно был сохранен номер районной редакции — «Стерлибашевские вести».

Когда-то, на практике после первого курса, она печатала там заметки про ярмарки, дожди и торжественные линейки. Тогда ей казалось, что это временно. Почти случайность.

Она набрала номер, гудки шли долго, потом щёлкнуло.

— Стерлибашевские вести, — ответил сонный женский голос.

— Здравствуйте... — Айгуль на секунду замялась. — Я Айгуль Рахимова. Я у вас когда-то практику проходила. Я сейчас здесь, — сказала она. — Вернулась. И... можно я к вам на работу?

— Приходи завтра утром. К девяти, Эльвира Маратовна как-раз будет, она любит такие истории.

— Какие «такие»?

— Когда человек возвращается в здравый смысл и на родину, — хмыкнули в трубке. — И паспорт с собой возьми.... И ручку.... У нас всё по старинке.

— У меня есть и то, и другое.

— Отлично, тогда ждём.

Связь оборвалась.

Айгуль осталась сидеть на крыльце, держа телефон в руке.

И впервые за долгое время у неё было ощущение, что жизнь не закончилась и не сломалась, она просто сменила редакцию.

Глава 2. Первое дело

Оформление на работу было стандартным. Айгуль понравилось, что никто не стал задавать лишних вопросов о причине возвращения, объяснения каждому вводили её в необъяснимую депрессию. Ей выделили маленький кабинет шириной с окно. Но как-то сюда умудрились втиснуться шкаф и стол. И вот уже неделю Айгуль старательно сочиняла заголовки, параллельно записывая в блокнот идеи новых материалов. И на эту неделю были планы большие.

Редакция районной газеты «Стерлибашевские вести» размещалась в трёхэтажном кирпичном здании с облупившейся лестницей и неизменным котом на крыльце. Кот был рыжий, облезлый и, по слухам, помнил ещё прошлых редакторов. Звали его Барсик. Встречая с утра Айгуль, он приоткрывал один глаз и неопределённо мяукал — не то «здравствуй», не то «опять ты». Иногда Барсик мистически появлялся у Айгуль в кабинете на излюбленном месте — на шкафу.

Когда-то на первом этаже была типография, и газету печатали самостоятельно. Теперь первый этаж пустовал — сделали архив. Второй этаж большей частью был сдан в аренду социальному центру «Семья». А на третьем располагались кабинеты сотрудников — редактора, фотографа, переводчиков и корреспондентов. Газета до сих пор выходила на трёх языках: русском, башкирском и татарском.

Внутри пахло типографской краской и пыльными подшивками. В кабинете за столом у окна сидела Эльвира Маратовна, главный редактор и, по совместительству, единственный человек, который точно знал, сколько букв в слове «бюджет» и почему их всегда не хватает.

— Айгуль! — Она подняла голову от вёрстки. — Ну наконец-то. У меня материал горит. Ты в курсе, что у нас новый участковый? Молодой, из Уфы перевёлся. Никто его толком не знает, но, говорят, он внук местных. Сходи, познакомься, попробуй совместные рейды, дежурства, сделай интервью. Только не как в прошлый раз — про сельские будни и героев в погонах. Сделай по-человечески. С его руководством — подполковником Садыковым договорились, он не против, но, перед выпуском материалы нужно согласовывать с ними.

— А как это — по-человечески?

— Ну... чтобы читатель его увидел. Живого, а не из протокола. Смешного, если смешной. Страшного, если страшный. Сама разберёшься, ты у нас с дипломом и столичным опытом. И запомни, Айгуль, или ты пишешь правду, или всю жизнь перепечатаешь объявления про навоз и юбилеи. Третьего не бывает.

Айгуль взяла диктофон, блокнот и вышла. До райотдела было рукой подать. Она прошла мимо магазинчика, почты и местной кафешки с гордым названием «Восточка», перешла дорогу на единственном в райцентре светофоре и всю дорогу размышляла:

«Новый участковый из Уфы. Сам сбежал от городской преступности или его сюда сослали для перевоспитания?»

Райотдел полиции, так же как и редакция, занимал большое трехэтажное кирпичное здание. Тяжёлая металлическая дверь открывалась с таким усилием, будто проверяла, действительно ли тебе туда надо. Но дверь, как выяснилось, была только первым уровнем испытания. За ней сидел дежурный. Рядом стояла рамка металлоискателя, возле рамки — ещё один сотрудник, а чуть дальше за стеклом виднелись люди в форме с лицами, будто они уже заранее знали всё плохое, что человек собирается сделать в ближайшие лет пять.

— Вы к кому? — спросил дежурный таким тоном, словно Айгуль пришла не за интервью, а сдаваться. Пока она объясняла, кто она, зачем пришла и почему у журналистов всегда такие большие сумки, её попросили: выложить телефоны, ключи, диктофон, зарядку, флешку, «а это что у вас?», и «на всякий случай вот это тоже».

К концу процедуры перед Айгуль лежало столько вещей, будто она собиралась не на интервью, а срочно эмигрировать. Потом дежурный переписал её паспортные данные в толстую тетрадь, где, кажется, расписалась уже половина района. Потом паспорт отксерили. Потом ещё раз посмотрели паспорт. Потом рамка запищала.

— У вас металл.

— Ремень? Джинсы на мне пока оставим? — устало уточнила Айгуль.

Дежурный улыбнулся. И всё это время каждый проходящий мимо сотрудник полиции считал своим профессиональным долгом спросить:

— Кто пришёл?

— Журналистка.

— А-а...

После этого на Айгуль смотрели уже с интересом, как на стихийное бедствие, о котором пока не объявили официально. Наконец к ней подошёл мужчина лет тридцати пяти. Высокий, немного сутулый, в форменной рубашке с расстёгнутым воротом — такой вид бывает у людей, которые с утра уже успели поругаться с тремя гражданами, двумя отчётами и одним принтером.

— Журналистка? — уточнил он без особого энтузиазма.

— Пока да, — ответила Айгуль.

Он коротко кивнул и повёл её по коридору в общий кабинет участковых. Внутри стоял привычный государственный хаос: телефоны звонили, кто-то печатал одним пальцем, кто-то спорил через весь кабинет о формулировке «громко выражался в общественном месте», а один участковый задумчиво спрашивал у другого:

— «Находился в состоянии» слитно пишется?

— Смотря в каком состоянии, — не отрываясь от монитора, ответил тот.

Мужчина подвёл Айгуль к свободному столу. Только теперь она смогла его нормально рассмотреть. Тёмные волосы, усталое лицо, внимательный взгляд. И земля под ногтями — будто он перед работой копался в огороде.

«Надо же, — подумала Айгуль. — Городской, а картошку, видать, всё-таки уважает».

Мужчина сел за стол, пролистал какие-то бумаги и только потом поднял глаза. Взгляд у него оказался странный — спокойный, цепкий и слишком внимательный. Так обычно смотрят люди, которые по работе привыкли замечать больше, чем им хотелось бы.

— Ну, говорите, — произнёс он. — Я участковый, Ринат Ахметов. Он не улыбнулся, но и не нахмурился. Просто смотрел и ждал. Айгуль включила диктофон и сразу почувствовала себя глупо. Обычно она начинала с лёгких вопросов — «как вам село», «чем увлекаетесь» и ни люди в форме, ты красавчики ее не смущали. Но с этим человеком лёгкие вопросы почему-то не шли.

— Пишете про героев в погонах? — спросил он вдруг, и в голосе мелькнула тень усмешки. — Я не герой.

— А я и не про героев, я про жизнь. Мне Эльвира Маратовна сказала — сделать по-человечески. Есть у вас что-то интересное? Происшествия, расследования, случаи?

Ринат помолчал и сунул телефон в карман.

— Есть. Кража гусей.

— Что?

— У деда Насыра три гуся пропали. Заявление уже лежит. Хотите — поедem, опросим свидетелей, заодно и материал вам будет. Не героический, зато живой.

Айгуль не удержалась и фыркнула.

— Вы серьёзно? Кража гусей?

— Вполне. — Он впервые посмотрел ей прямо в глаза. — В Стерлибашеве каждое дело — детектив. Если раскопаете, кто гусей увёл, можете печатать с продолжением.

— А если я не Шерлок Холмс?

— Тогда научу, — сказал он и вдруг улыбнулся.

Улыбка у него была хорошая — редкая, чуть кривая, но тёплая. Такая, от которой хочется улыбнуться в ответ. Айгуль поймала себя на этом желании и одёрнула. Не хватало еще в первого встречного влюбиться снова.

— Ладно, — сказала она, выключая диктофон. — Только без романтики в тексте.

— В тексте — без, — согласился он и взял со скамейки выдавшую виды кепку. — А в жизни как получится.

И пошёл к калитке. Вот так они и начали — с гусей, а закончили... Но не будем забегать вперёд.

Глава 3. Три гуся и один свидетель

Дед Насыр жил на краю села, там, где улица Фрунзе плавно переходила в просёлочную дорогу, а заборы становились ниже и уже не охраняли, а так — обозначали границу. Дом у него был крепкий, ещё отцовской постройки, с палисадником, в котором росли не цветы, а исключительно лук и укроп.

Когда Айгуль и Ринат подошли к калитке, дед сидел на скамейке у ворот и сосредоточенно строгал какую-то щепку. Вид у него был мрачный, но деятельный — так выглядят люди, которые уже приняли свою беду и теперь обдумывают план мести.

— Здравствуйте, Насыр-абы, — поздоровался Ринат, приподнимая кепку.

— А, участковый, — дед отложил щепку и прищурился. — Пришёл, значит. А это кто с тобой? Новая? — он кивнул на Айгуль.

— Это из газеты, — пояснил Ринат и чуть посторонился, пропуская Айгуль вперёд. — Она про гусей будет писать, для истории.

— Для какой такой истории? — насторожился дед.

— Для рубрики «Происшествия». Читатели должны знать своих героев, — Айгуль улыбнулась и достала блокнот. — Расскажите, как всё случилось. Когда вы заметили пропажу?

Дед Насыр вздохнул тяжело, как вздыхают перед долгим рассказом, и махнул рукой в сторону покосившегося сарая.

— В четверг. Утром вышел — глядь, а калитка в загон открыта. Я туда, а там... — он сделал драматическую паузу и оглядел слушателей. — Трёх нету. Трёх! Самых лучших. Белый, Серый и этот... как его... Пеструшка который.

— Пеструшка — это кто? — уточнила Айгуль, стараясь сохранить серьёзное лицо.

— Ну гусыня. С пятном на спине. Она у меня главная была. Остальные без неё теперь как без головы — ходят, гогочут, порядка не понимают. Я их, понимаешь, воспитывал, а тут такое...

— А следы какие-нибудь были? — перебил Ринат и присел на корточки, разглядывая землю у забора. Он делал это машинально — видно было, что привычка искать следы въелась в него крепче, чем форменная рубашка.

— Следы! — оживился дед. — Были следы! У канавы. Я же тебе в прошлый раз говорил, а ты не слушал.

— Я слушал, — спокойно ответил Ринат. — Но вы в прошлый раз сказали, что это, возможно, соседский козёл.

— Козёл?! — фыркнул дед Насыр. — У соседа козёл, а у меня — три гуся пропали. Это одно к одному не клеится. Ты на следы посмотри, а потом про козла говори. Я со дня кражи пока туда гусей не вывожу, значит следы может и остались.

— Покажете? — Айгуль закрыла блокнот.

Дед поднялся, кряхтя, взял палку, прислонённую к забору, и зашагал в сторону загона. Они двинулись за ним — мимо огорода, мимо старой бани, мимо кустов смородины, которые давно никто не обрезал, и вышли к загону и самодельной канаве с водой.

Канавка была небольшая, заросшая по краям осокой. У канавы, втоптанная в грязь, виднелась цепочка следов. Айгуль присела рядом с Ринатом и вгляделась. А следы были странные.

Во-первых, босые. Кто нынче ходит босиком? Во-вторых, длинные — неприлично длинные для человеческой ступни. Пальцы отпечатались в грязи узкие, цепкие, как корни. Расстояние между шагами — будто человек не шёл, а прыгал или нёсся вприпрыжку.

— Видала? — злорадно спросил дед Насыр, тыча палкой в самый чёткий отпечаток. — Это что ж за человек такой? Ноги как у журавля!

— Может, мальчишки баловались, — медленно произнёс Ринат, но в голосе не было уверенности. — Ласты, например, надели. Для смеха.

— Ласты! — дед аж закашлялся от возмущения. — Ты, сынок, сам-то в ладах по грязи ходил? Ласты широкие, а эти — вишь, узкие да длинные. И грязь между пальцами продавлена. Как есть босой шёл. И гуси за ним — как зачарованные. Потому что гусь просто так не пойдёт. Гусь — птица гордая.

Айгуль слушала и делала пометки в блокноте. «Следы. Босые. Длинные пальцы». Она машинально поёжилась. Не от холода — от какого-то смутного, ещё не оформившегося чувства, будто она стоит на пороге чего-то, чего пока не понимает.

— А почему вы решили, что гуси пошли за ним сами? — спросила она.

— А потому, — дед понизил голос и оглянулся, будто за кустами мог кто-то прятаться. — Что не гоготали они. Ночью тихо было. Если б чужой в загон полез — они б такой шум подняли, вся улица бы сбежалась. А тут — тишина, значит, не боялись. Значит, за своим пошли!

Ринат выпрямился, отряхнул колени и посмотрел на деда долгим взглядом.

— Насыр-абы, а вы сами никого не подозреваете?

— Подозреваю! — охотно отозвался дед. — Соседку свою подозреваю, Зульфию. Она мне ещё весной говорила: «У тебя, Насыр, гуси жирные, а ты их купаешь редко, они у тебя как поросята». Завидует она. У неё свои гуси тощие, как велосипеды.

Айгуль закусила губу, чтобы не рассмеяться, но Ринат остался невозмутим.

— Проверим соседку, — сказал он и записал что-то в своём блокноте. — А вы пока заявление не забирайте, мало ли что ещё выяснится.

— Да я и не забираю, — дед махнул палкой. — Ты ищи. Только не в ладах ищи, а по-серьёзному.

Обратно шли молча. Солнце уже клонилось к вечеру. Айгуль вдруг остановилась.

— Ринат, а вы правда думаете, что это мальчишки?

Он помедлил с ответом. Сунул руки в карманы и посмотрел куда-то в сторону горы, над которой уже сгущались сумерки.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Но следы мне не нравятся.

— Почему?

— Потому что я такие уже видел, но не помню где.

Он сказал это тихо, почти в сторону, но Айгуль услышала. И записала в блокнот, сама не зная зачем: «Видел. Не помнит».

Вечером, сидя в редакции над разложенными заметками, она вдруг вспомнила бабушкину сказку. Про шурале, который ходит по лесу с колодой на спине и кричит, что пальцы ему защемил прошлый год. И про длинные-предлинные пальцы, которые ни с чьими не спутаешь. Она отложила ручку и посмотрела на кота Барсика, который спал на подшивке за прошлый март.

— Барсик, — сказала она тихо, — а ты в шурале веришь?

Кот приоткрыл глаз, зевнул и отвернулся к стене. Она вдруг поймала себя на мысли, что не хочет идти домой одна. И разозлилась на себя за это

Глава 4. Сторож, который смеялся

Новость о дяде Мансуре принесла в редакцию почтальонша тётя Рашида. Она влетела в дверь с такой скоростью, что кот Барсик едва успел сняться с подоконника и перелететь на шкаф.

— Эльвира Маратовна! — выдохнула тётя Рашида, хватаясь за сердце. — Мансура-то нашего на лыжной базе нашли! Чуть живого! Смеётся и остановиться не может!

Эльвира Маратовна подняла голову от вёрстки и поверх очков посмотрела на почтальоншу.

— Смеётся — это хорошо. Значит, живой.

— Да какой там живой! — всплеснула руками тётя Рашида. — Его щекотали! Всю ночь щекотали! Он теперь икает и плачет одновременно, фельдшер сказал — нервное истощение.

Айгуль, которая как раз дописывала расшифровку интервью про гусей, отложила ручку и наострила уши.

— Как это — щекотали? — спросила она. — Кто?

— А никто не знает! — охотно сообщила тётя Рашида и присела на край стула, явно готовая к долгой беседе. — Мансур сам ничего толком не говорит. Только заикается и хохочет, а на боках у него синяки.

Айгуль и Эльвира Маратовна переглянулись.

— Поезжай, — сказала редакторша. — Бери диктофон, бери фотоаппарат. Это не гуси, это уже занимательный материал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.